

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ НАКАНУНЕ ВЫХОДА ИЗ ВОЙНЫ

(К ИСТОРИИ ПЕРЕГОВОРОВ О СЕПАРАТНОМ МИРЕ, ОСЕНЬ 1942 г.— ВЕСНА 1943 г.)

О. В. Серова

С осени 1942 г. Италия переживала глубокий политический кризис, в основе которого лежал кризис фашистской диктатуры. Экономика страны оказалась не в силах выдержать тяжелое бремя войны. Итальянским монополистическим кругам не приходилось рассчитывать на новые рынки сбыта и источники сырья, на завоевание новых колоний: под угрозой были уже имевшиеся. Рассеялись надежды на прочный тыл. Расчеты фашистских главварей смягчить недовольство масс благодаря победам на фронтах войны потерпели провал. Война несла Италии одни поражения. Решающее влияние на положение в стране оказал сокрушительный разгром Советской Армией немецко-фашистских войск под Сталинградом, полный разгром итальянской армии на Дону, а также поражение итало-германской армии в Северной Африке.

Битва под Сталинградом ознаменовала коренной перелом в ходе войны. Это было не только военное, но и политическое поражение Германии. По престижу держав «оси» был нанесен решительный удар. В дневнике министра иностранных дел Италии Чиано в январе 1943 г. появляются тревожные записи. 19 января он записал: «Очень тяжелый день. Со всех фронтов приходят плохие известия. Отступление в России продолжается и местами, кажется, превращается в беспорядочное бегство». И 22 января: «Дуче считает, что сегодняшнее немецкое коммюнике — самое плохое с момента начала войны. Это, безусловно, так. Поражение под Сталинградом, отступление почти по всему фронту...» Наконец, в конце января он писал: «Дуче продолжает оценивать положение в России довольно оптимистически... Можно сказать, что взгляды дуче отличаются от взглядов начальника 3-й моторизованной дивизии «Чедере» полковника Батталини, только что возвратившегося из России. Едва ли можно представить себе картину более мрачную, чем та, которую он нарисовал, и, хотя он разговаривал со мной впервые, он сказал, что видит единственный путь спасения Италии, армии и режима в сепаратном мире. С некоторых пор эта мысль овладевает умами. Даже сестра дуче говорила мне об этом с некоторым одобрением»¹.

Война против Советского Союза не пользовалась популярностью ни среди трудящихся масс Италии, ни в армии. Победы Советской Армии породили у итальянских трудящихся надежды на скорое окончание войны и вызвали тревогу правящих классов страны. «С этого времени,— отмечал Муссолини в своих воспоминаниях,— стратегическая инициатива оказалась в руках союзников, в то время как дома все враги фа-

¹ G. Cianò. Diario. Vol. II. Milano, 1950, pp. 242, 244, 246.

шизма... подняли голову»². Действительно, недовольство фашизмом, стремление выйти из войны было характерно для самых различных кругов итальянского общества. Народные массы стремились покончить с существующим режимом, создать демократическое правительство, которое могло бы добиться немедленного перемирия и заключения сепаратного мира. Борьба против фашизма тесно переплеталась, сливалась с борьбой против войны. Еще осенью 1941 г. конференция коммунистической и социалистической партий и движения «Справедливость и свобода» приняла документ, в котором, в частности, содержалось требование немедленно начать переговоры «с СССР и Англией в целях быстрого заключения сепаратного мира без аннексий и контрибуций»³. В декабре 1942 — феврале 1943 г. по всей стране проходили выступления против войны. В ряде городов Северной Италии возникли комитеты Национального фронта из представителей коммунистической, социалистической, христианско-демократической партий и партии «действия». Ярким свидетельством усиления антифашистских и антивоенных настроений явилась мартовская забастовка (1943 г.), охватившая всю Северную Италию. Наряду с экономическими требованиями трудящиеся в ходе ее выдвигали и требование сепаратного мира.

Видя угрозу, нависшую над фашистской диктатурой, господствующие классы поспешили отмежеваться от своей прошлой тесной связи с фашизмом, пожертвовав Муссолини. С осени 1942 г. против Муссолини готовился заговор, который вылился в верхушечный государственный переворот, осуществленный 25 июля 1943 года. В этом заговоре принимали участие представители руководства фашистской партии, военной верхушки и королевские круги. Во главе первой группы заговорщиков были такие руководители фашистской партии, как Гранди, Чиано, Боттаи. За ними стояли представители крупных промышленных монополий. Из представителей высшей военной касты в заговоре участвовали Амброзио, ставший в феврале 1943 г. начальником генерального штаба, а также генералы Сориче, Каstellано, Роатта. Эта группа поддерживала контакт с королем Виктором-Эммануилом через министра королевского двора герцога Аквароне. Участники заговора пытались заручиться поддержкой Англии и США.

Одновременно итальянские правящие круги, стремясь найти выход из создавшегося положения, все более склонялись к идее сепаратного мира. Шаги в этом направлении были предприняты представителями различных группировок правящей верхушки. При этом, не доверяя друг другу, отдельные группы действовали на свой страх и риск, заботясь лишь о собственном спасении.

Искал путей выхода из войны и фашистский дуче. Прочно связав судьбу Италии с Германией, он в то же время опасался, и не без оснований, что полная победа Германии сделает Италию ее вассалом. Начиная с лета 1941 г. он склоняется к идее заключения компромиссного мира, в результате которого ни державы «оси», ни их противники не получили бы решающего преимущества. 20 июля 1941 г. Муссолини говорил Чиано: «Я предвижу неизбежный кризис между двумя странами. В данный момент ничего нельзя поделать... Но мы должны надеяться на две вещи: что война будет затяжной и истощающей для Германии и закончится компромиссом, который спасет нашу независимость»⁴.

Уже после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой Муссо-

² В. Mussolini. Storia di un anno. Il tempo del bastone e della carota. Milano. 1944, pp. 8—9.

³ Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления. М. 1954, стр. 65.

⁴ G. Ciano. Op. cit., pp. 61—62.

лини понял, какую грозную силу представляет Советский Союз, и стал склоняться к идее сепаратного мира с СССР. Причем он считал, что этот мир должны были заключить обе державы «оси», а не одна Италия⁵. С осени 1942 г. дуче все чаще возвращается к идее выхода из войны. 2 декабря 1942 г. Муссолини заявил: «Наше положение заставляет нас идти с одними, когда мы хотим разрешить проблему наших континентальных границ, или с другими, когда мы хотим разрешить проблему наших морских границ»⁶.

Муссолини вновь и вновь обращается к мысли о необходимости скорейшего заключения мира с СССР. Он пользуется каждой возможностью, чтобы убедить в этом Гитлера. Об этом, в частности, он заявил германскому послу в Риме Макензену в начале ноября 1942 года. 6 декабря во время встречи с Герингом, находившимся в Риме, Муссолини вновь призвал покончить с войной против Советского Союза. Посылая Чиано на очередную встречу с Гитлером во второй половине декабря 1942 г., Муссолини поручил ему поставить перед Гитлером вопрос о заключении сепаратного мира с Советским Союзом, что, по мнению дуче, дало бы возможность высвободить часть войск держав «оси» и перебросить их в район Средиземного моря, чтобы, укрепившись там, заключить мир с западными державами⁸.

Несмотря на отрицательную реакцию Гитлера, Муссолини не отказался от этой идеи, что он еще раз подтвердил в ходе бесед с Герингом, который вновь прибыл в Рим в начале марта 1943 года. Муссолини настаивал, что Восточный фронт должен быть ликвидирован, чтобы можно было сосредоточить все силы на Средиземном море. Геринг встретил эти предложения чрезвычайно «сдержанно»⁹. Несколько дней спустя, 9 марта, в письме к Гитлеру Муссолини еще раз указал на опасность продолжения войны против СССР, «ибо речь идет о продолжении борьбы против безграничных пространств России, которыми практически невозможно овладеть, в то время как на Западе возрастает англосаксонская опасность. В тот день, когда тем или иным путем Россия будет уничтожена или нейтрализована, победа будет в наших руках...». О том же говорится в его письме к Гитлеру от 25 марта 1943 г.: «Итак, я считаю... что русская глава теперь может быть закончена заключением сепаратного мира, если возможно, или возведением линии обороны, мощной стены на востоке, которую русские не смогут преодолеть», ибо, по его убеждению, «Россия не может быть уничтожена... Необходимо поэтому так или иначе покончить с русской главой»¹⁰. 7—10 апреля, во время встречи с Гитлером в Зальцбурге, Муссолини вновь отстаивал идею соглашения с Советским Союзом. Гитлер и на сей раз отклонил предложение своего союзника, а Риббентроп высказал сомнение в том, что в Советском Союзе подобные планы встретят поддержку¹¹.

Надежды Муссолини на то, что державам «оси» удастся так или иначе покончить с советско-германским фронтом, потерпели полный провал. В войне против немецко-фашистских орд Советский Союз не только отстаивал свою независимость, но и боролся за полное уничтожение фашизма и не желал вступать ни в какие сделки с врагом. Фашистскому диктатору приходилось искать другие пути спасения гибнущего режима.

⁵ G. Ciano. L'Europa verso la catastrofe. Milano. 1948, p. 310.

⁶ «Правда», 5.1.1943.

⁷ В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. М. 1967, стр. 264; F. W. Deakin. The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. L. 1962, p. 102.

⁸ G. Ciano. L'Europa verso la catastrofe, p. 716.

⁹ G. Bastianini. Uomini, Cose, Fatti. Vitagliano. 1959, p. 108.

¹⁰ «Les lettres échangées par Hitler et Mussolini». P. 1946, pp. 170—171, 184—185.

¹¹ В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Указ. соч., стр. 270.

После разгрома немецких войск под Сталинградом идея сепаратного мира овладела и правительствами других стран фашистского блока. Желая заключить мир с западными державами, как румынское, так и венгерское правительства стремились заручиться поддержкой Италии. В начале апреля 1943 г. с этой целью в Рим прибыл венгерский премьер-министр Каллаи. 4 апреля состоялась его встреча с Муссолини, во время которой Каллаи подчеркнул, что, если бы не Италия, Венгрия никогда не вступила бы в войну. Теперь, когда он намерен вывести постепенно страну из войны, он хотел бы также иметь поддержку Италии. Муссолини одобрил предложение о сепаратном мире, но советовал подождать летнего наступления вермахта и только после этого, если Советский Союз не будет побежден, поставить вопрос о сепаратном мире. «Было ясно,—отмечал венгерский премьер,—что идея сепаратного мира постоянно у него на уме». На обеде в честь Каллаи в венгерском посольстве в Ватикане Чиано признал, что не только Италия, но и Германия проиграла войну, поэтому все, что в данной ситуации могут сделать итальянцы,— это спасти то, что еще можно спасти¹². Папа Пий XII при встрече с Каллаи также поддержал идею сепаратного мира.

Предпринимая в конце 1942 г. попытки установить контакты с западными державами через Лиссабон, Мадрид, Анкару, Стокгольм и Ватикан, румынское правительство также надеялось привлечь на свою сторону итальянское правительство. В январе 1943 г. румынский министр иностранных дел Михай Антонеску информировал Муссолини и Чиано через прибывшего в Рим итальянского посланника в Бухаресте Бова Скоппа, что трудное положение внутри страны требует форсировать переговоры о мире с западными державами. Антонеску при этом подчеркнул, что Италия также нуждается в восстановлении контактов с Англией и США, и предлагал итальянскому правительству осуществить это совместно с румынским. Заключение сепаратного мира между Италией и Румынией, с одной стороны, и Англией и США — с другой, по его мнению, было выгодно также западным державам, потому что не только обеспечило бы изоляцию Германии, но и создало бы дополнительную возможность помешать продвижению советских войск в Центральную Европу¹³. Все это было изложено в специальном меморандуме Бова Скоппа от 15 января 1943 года.

При встрече с Муссолини в январе Чиано осторожно прокомментировал этот документ: положение ухудшается день ото дня, и на те результаты, на которые можно рассчитывать сегодня, нельзя будет надеяться спустя два-три месяца. Муссолини был с ним согласен, он тоже не верил в возможность улучшения положения. Однако Чиано понял, что теперь все будет зависеть от событий на советско-германском фронте. Когда Чиано заявил во время обсуждения предложения румынского правительства, что итальянскому правительству следует установить прямые контакты с англо-американцами, Муссолини поддержал эту идею. К концу беседы были намечены конкретные лица, через которых можно было осуществить эти контакты,— итальянские послы Пеппо в Анкаре и Россо в Мадриде¹⁴.

В начале февраля 1943 г., не доверяя больше руководящей верхушке своей партии, Муссолини произвел реорганизацию правительства, затронувшую все министерства. Все уволенные министры являлись видными представителями фашистской партии. Среди них был и Чиано, зять Муссолини. Поводом для отставки Чиано послужили как его поражение в оценке

¹² N. Kallay. Hungarian Premier. A Personal Account of a National Struggle in the Second World War. N. Y. 1954, pp. 154, 161—162, 176.

¹³ A. Cretzianu. The Lost Opportunity. L. 1957, p. 89; R. Bova Scoppa. Colloque con due dittatori. Roma. 1949, pp. 69—70, 72—76.

¹⁴ G. Ciano. Diario. Vol. II, p. 243.

перспектив войны для держав «оси», особенно после встречи Чиано с Гитлером в декабре 1942 года. Пост министра иностранных дел Муссолини взял себе, назначив своим заместителем Бастианини.

В июне 1943 г. из Бухареста в Рим вновь прибыл Бова Скоппа. Он предпринял новую попытку убедить Муссолини заключить мир с западными державами. В меморандуме, переданном им Муссолини, он излагал содержание своих бесед с М. Антонеску, который предлагал дуче стать «выразителем интересов всех малых воюющих народов от Финляндии до Румынии». Копию своего меморандума Бова Скоппа передал Чиано, надеясь, что его вмешательство поможет убедить Муссолини. «Твой меморандум от 15 января был причиной моей отставки из министерства иностранных дел! — заявил ему Чиано. — Теперь ты хочешь заставить Бастианини потерять его пост, а сам потеряешь свой... С Муссолини ничего нельзя сделать — это глухая стена».

Предположения Чиано на этот раз не оправдались. Бастианини сообщил Бова Скоппа: «Дуче согласен с Михаем Антонеску по многим пунктам твоего меморандума, но он считает преждевременным предпринимать дипломатические действия. Он хочет подождать еще два месяца. Он думает вести переговоры, когда военное положение будет хорошим. Во всяком случае, он хочет увидеться с (Ионом. — О. С.) Антонеску». Встреча Муссолини и фашистского диктатора Румынии состоялась 1 июля 1943 года. Ион Антонеску настаивал, чтобы Муссолини взял на себя инициативу заключения сепаратного мира с Англией и США. Муссолини опять заговорил о двухмесячной отсрочке, рассчитывая на победу на фронтах. Он надеялся также убедить Гитлера созвать конференцию держав «оси» для решения всех неотложных вопросов. «Если Гитлер откажется, — заявил дуче, — я сделаю это без него»¹⁵.

Итак, к июлю 1943 г. все попытки побудить Муссолини договориться с Гитлером об освобождении Италии от обязательств по «оси» или начать мирные переговоры не увенчались успехом. Казалось бы, намек на это содержался в письме дуче к Гитлеру от 16 июля, которое заканчивалось такой фразой: «Я думаю, фюрер, что настало время внимательно рассмотреть сообща положение, чтобы сделать из него выводы, более соответствующие интересам каждой страны...»¹⁶. Но, встретившись с Гитлером 19 июля в Фельтре (Северная Италия), Муссолини, несмотря на давление членов итальянской делегации, возлагавших на эту встречу большие надежды, не решился затронуть вопрос о выходе из войны.

Таким образом, военные поражения Италии заставили Муссолини искать выход в сепаратном мире. Но, чувствуя непрочность своего положения в стране и сознавая, что с заключением сепаратного мира он утратит поддержку Гитлера, Муссолини не решился на этот шаг. Не случайно он связывал выход Италии из войны с согласием на это Германии.

Однако если Муссолини все еще колебался, то основная часть итальянской правящей верхушки уже с осени 1942 г. взяла твердый курс на заключение сепаратного мира с западными державами. Ряд попыток такого рода был предпринят с санкции фашистского правительства (сначала Чиано, а с февраля 1943 г. Бастианини), значительную активность проявили в этом королевские круги и военная верхушка. Встречи Чиано с немецкими руководителями и особенно его беседы с Гитлером в ноябре и декабре 1942 г. лишней раз подтвердили серьезность положения внутри блока фашистских держав. Чиано хорошо знал, сколь непрочен тыл, для него не составляли секрета настроения в Германии и среди других союзников. 2 октября 1942 г. он записал в сво-

¹⁵ R. Bova Scoppa. Op. cit., pp. 105—107, 109, 110, 114.

¹⁶ A. Tamargo. Due anni di storia 1943—1945, Vol. I. Roma. 1948, p. 188.

ем дневнике: «Ничего нового; но доходят извне и изнутри пессимистические голоса. Извне — прежде всего от консулов в Германии и посольств на Балканах... изнутри — понемногу ото всех»¹⁷.

Постоянная оглядка Муссолини на Гитлера убедила Чиано действовать независимо от него. Осенью 1942 г., когда Бисмарк, германский посланник в Риме, открыто говорил о неминуемом поражении Германии и о том, что она все-таки «пойдет до конца», Чиано заявил, что Италия найдет выход и этому будет способствовать умеренная политика, которой он придерживался в отношении Англии и Америки¹⁸. Чиано выражал при этом мнение и настроения итальянских монополистических кругов, в частности таких крупных монополистов, как Пирелли, Вольпи, Чини. Они готовы были пожертвовать Муссолини и не только выражали настойчивое желание скорейшего заключения прямого соглашения с Англией и США, но и предпринимали со своей стороны шаги в этом направлении.

7 января 1943 г. Чиано сделал в своем дневнике запись о встрече с Альберто Пирелли, державшим в своих руках всю резиновую промышленность страны. Пирелли не скрывал, что, по его мнению, война проиграна и следует начать переговоры, учитывая при этом, что легче встретить понимание в Вашингтоне, чем в Лондоне. Другой представитель итальянских монополистов, Гуидо Донегани, в декабре 1942 г. выступил против проекта таможенного союза с Германией¹⁹. Этот факт тем более знаменателен, что Донегани был председателем химического и горнорудного треста Монтекатини, тесно связанного с «ИГ Фарбен-индустри» и «Метальгезельшафт».

В марте 1943 г. крупный итальянский промышленник и член правительства сенатор Чини в беседе с Муссолини сказал, что безнадежное положение итальянской экономики настоятельно требует разрыва с Германией. Чини советовал вести переговоры с Англией, «пока мы располагаем в качестве залога Тунисом, что может обеспечить нам лучшие условия»²⁰.

Первые попытки начать переговоры с западными державами были предприняты фашистским правительством Италии за спиной Муссолини в ноябре 1942 года. В этом начинании Чиано пользовался полной поддержкой министра юстиции Дино Гранди, который настаивал на необходимости предварительно выяснить у союзников, согласны ли они вести переговоры и на каких условиях. Более того, в конце ноября Гранди хотел сам посетить Испанию, чтобы установить контакт с Сэмюэлем Хором, английским послом в Мадриде, с которым он был хорошо знаком, будучи итальянским послом в Англии. К тому же фашистские настроения Хора ни для кого не были секретом. В последний момент, однако, вмешался Муссолини, испугавшийся реакции Берлина, и поездка была отложена²¹.

Тем временем через итальянского посла в Лиссабоне Франческо Франсони были предприняты шаги с целью выяснить отношение западных держав к переговорам. 1 ноября 1942 г. Чиано принял Франсони, только что прибывшего из Лиссабона. Последний, сославшись на сведения, полученные из английского посольства в Лиссабоне, сообщил Чиано о намерении союзников нанести удар по Италии. Будучи в свое время советником итальянского посольства в Париже, Франсони установил дружеские отношения с Рональдом Кэмпбеллом, ставшим теперь английским послом в Лиссабоне. Фактически отношения между ними не были прерваны, хотя они никогда больше не встречались. Связь поддер-

¹⁷ G. C i a n o. Diario. Vol. II, p. 201.

¹⁸ Ibid., p. 197.

¹⁹ Ibid., pp. 234, 238.

²⁰ E. C a v i g l i a. Diario (aprile 1925 — marzo 1945). Roma, 1952, pp. 397—398.

²¹ F. W. D e a k i n. Op. cit., p. 119.

живалась через бывшего посла Румынии в Лиссабоне Иона Пангала²². Активное участие в этих контактах принимал Ренато Джардини, первый секретарь итальянского посольства в Лиссабоне. Узнав в Риме о высадке англо-американских войск в Северной Африке, Франсони срочно выехал в Лиссабон²³. Вернувшись затем в Рим, он запросил у Чиано полномочий на зондаж англичан относительно заключения сепаратного мира. Чиано санкционировал такой шаг²⁴.

Была предпринята попытка выяснить условия союзников по ряду конкретных вопросов: будут ли за Италией сохранены права на Албанию, Эритрею, Триполитанию; согласятся ли союзники вести переговоры с Муссолини, если он порвет с Германией, а если нет, то с кем согласны на такие переговоры; будет ли сохранен трон за Савойской династией. С итальянской стороны было выражено также пожелание, чтобы союзники вступили в Италию в нескольких райснах с крупными силами. Через Пангала было сообщено, что союзники отказываются вести переговоры с фашистскими руководителями и настаивают на безоговорочной капитуляции. В начале февраля 1943 г. Франсони предложил вести переговоры при посредничестве президента Салазара²⁵. В апреле 1943 г. Франсони и Джардини были отозваны в Рим.

Однако в противоположность утверждению, содержащемуся в письме английского министра иностранных дел Идена к государственному секретарю США Хэллу от 18 декабря 1942 г. о решении отказаться от контактов с представителями итальянского правительства²⁶, эти контакты продолжались²⁷. Уезжая из Лиссабона, Джардини просил Пангала поддерживать связь с одним из секретарей итальянского посольства. В июне через последнего состоялось знакомство с Пангалом нового итальянского посла в Лиссабоне — Ренато Прунаса²⁸.

Контакты с англичанами, имевшие место зимой 1942/43 г. в Лиссабоне, носили характер простого зондажа позиции западных держав относительно заключения сепаратного мира с Италией. Конкретных предложений итальянская сторона не выдвигала. Это объяснялось в первую очередь тем, что Чиано, санкционировавший действия Франсони в Лиссабоне, действовал по личной инициативе и не располагал в то время поддержкой определенных политических сил в стране²⁹.

В марте Бастианини добился назначения трех опытных дипломатов в важные нейтральные страны. Через новых послов (Паулуччи — в Испании, Гуарилья — в Турции, Прунаса — в Португалии) должны были быть установлены контакты с английскими и американскими представителями³⁰.

После того как 10 июля 1943 г. англо-американские войска высадились на Сицилии, правящие круги Италии предпринимают новые попытки заключить сепаратный мир с Англией и США. 17 июля 1943 г. Бастиа-

²² G. S t a n o. *Diario*. Vol. II, p. 211; M. T o s c a n o. *Dal 25 luglio all'8 settembre*. Firenze. 1966, pp. 144—145 (Тоскано ссылается на личные беседы с Франсони). Пангал поддерживал тесные связи с одним из сотрудников польского посольства в Лиссабоне, представлявшего польское эмигрантское правительство в Лондоне (см. Listowell. *Countess of Crusader in the Secret War*. L. 1952, p. 117). Это имел, вероятно, в виду Иден, когда в декабре 1942 г. сообщал государственному секретарю США Хэллу о контактах с итальянцами, осуществленных при посредничестве польского и румынского посольств. «*Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943*» (далее—FRUS. 1943). Vol. II. Washington. 1964, p. 315.

²³ Задолго до этого он предупреждал о предполагаемой высадке войск союзников, но в Риме не обратили на это внимания (M. T o s c a n o. *Op. cit.*, p. 144).

²⁴ *Ibid.*, pp. 145—146.

²⁵ Listowell. *Op. cit.*, pp. 119, 126, 127.

²⁶ FRUS. 1943. Vol. II, p. 315.

²⁷ M. T o s c a n o. *Op. cit.*, p. 146.

²⁸ Listowell. *Op. cit.*, p. 128.

²⁹ M. T o s c a n o. *Op. cit.*, pp. 147—148.

³⁰ B. S p a m p a n a t o. *Contromemoriale*. Vol. III. Roma. 1952, p. 12.

нини имел беседу с кардиналом Мальоне, государственным секретарем Ватикана. В дополнение к устной беседе он передал последнему памятную записку, в которой обрисовал катастрофическое положение Италии и высказал надежду, что Ватикан возьмет на себя роль посредника в переговорах фашистского правительства с англо-американцами. Он просил кардинала ходатайствовать перед западными державами, чтобы они не настаивали на немедленном смещении Муссолини, ибо Бастианини возлагал большие надежды на то, что дуче удастся договориться с Гитлером о выводе размещенных в Италии немецких частей. Бастианини предлагал вести переговоры на антисоветской основе, желая использовать антисоветские настроения англо-американцев³¹. К подобным аргументам он постоянно прибегал и в своих попытках склонить Муссолини к сепаратному миру с западными державами. Весной 1943 г. он говорил дуче: «Понимая, что большевики являются не только нашими врагами, но также врагами тех, кто является их союзниками в данный момент, следует предположить, что их продвижение в Европе... выгодно Лондону и Вашингтону лишь при известных обстоятельствах...»³².

Во время встречи с Мальоне Бастианини обсудил также вопрос о посылке в Лиссабон своего агента банкира Луиджи Фумми. Фумми должен был выехать якобы для выполнения финансовых операций Ватикана (он был тесно связан с банком Моргана и управлением собственностью Ватикана). Кардинал Мальоне согласился предоставить ему паспорт. Предполагалось, что в Лиссабоне Фумми добьется английской визы для поездки в Лондон, где начнет переговоры с Иденом, имея личное послание от Бастианини. Когда Мальоне при обсуждении вопроса о поездке Фумми выразил сомнение в том, согласятся ли союзники вести переговоры с представителем фашистского правительства, Бастианини прибег к своему обычному аргументу. «Фумми, — заявил он, — будет, конечно, в состоянии объяснить, что «русифицированная» Италия означала бы конец христианской цивилизации на европейском континенте»³³. Фумми должен был представлять не только Италию, но также Венгрию и Румынию. Одновременно Бастианини решил отправить в Лиссабон Франсони, который должен был поставить в известность Прунаса о намерении Бастианини заключить сепаратный мир и помочь ему возобновить контакты с англичанами и американцами, установленные Франсони в конце 1942 года.

18 июля, на следующий день после беседы с Мальоне, Бастианини сделал попытку убедить Муссолини санкционировать поездку Фумми и Франсони. Не встретив поддержки, Бастианини выразил готовность взять на себя всю ответственность за этот шаг, если о нем узнают в Берлине. Муссолини молча выслушал это предложение. Аудиенция закончилась. Бастианини ждал телефонного звонка дуче, но его не последовало³⁴. Тем не менее Фумми и Франсони приступили к выполнению своих поручений.

Бастианини информировал затем Аквароне, а через него и короля о предпринятых шагах. Одновременно итальянское правительство, подготавливая почву для переговоров с Англией и США, заявило Риббентропу через своего посла в Берлине, что Италия не сможет продолжать войну, если немедленно и полностью не будут удовлетворены итальянские требования о военной помощи³⁵. Однако прибывшему в Лиссабон Франсони англичане сообщили, что не намерены вести переговоры с ли-

³¹ А. Тамаго. *Op. cit.*, p. 71.

³² G. Bastianini. *Op. cit.*, p. 91.

³³ *Ibid.*, p. 117.

³⁴ *Ibid.*, p. 118.

³⁵ L. Simoni. *Berlino Ambasciata d'Italia 1939—1943*. Roma, 1946, pp. 362—363.

цом, представляющим Муссолини. А когда Франсони выразил пожелание продолжить переговоры в Лондоне, от него потребовали документ, подтверждающий его полномочия. Франсони отправился в Рим за таким документом, но по дороге узнал о происшедшем в Риме 25 июля государственном перевороте³⁶, который поставил у власти правительство маршала Бадольо. Фумми удалось добраться до Лондона, но уже после 25 июля. Его контакты ничего не добавили к переговорам представителей правительства Бадольо, закончившимся заключением перемирия с союзниками 3 сентября 1943 года.

Таким образом, весной — летом 1943 г. правительственные круги Италии значительно активизировали свои попытки с целью заключения сепаратного мира. Причем за этими новыми попытками в отличие от предпринятых в конце 1942 г. стояли уже вполне определенные политические силы, те, кто готовился совершить переворот. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением итальянского историка Тоскано, который, характеризуя деятельность Бастианини в июле 1943 г., отмечает «отсутствие реализма в оценке как политического, так и военного положения»³⁷. Даже после того, как войска союзников уже высадились на Сицилии, Бастианини все еще надеялся, что англичане согласятся вести переговоры с Муссолини и пощадят его, хотя не мог не знать о решении держав антигитлеровской коалиции добиваться безоговорочной капитуляции фашистских держав.

Вынужденные считаться с заявлениями Советского правительства о его решимости бороться до полного уничтожения фашизма, а также с общественным мнением своих стран, английское и американское правительства пошли на принятие этой формулы. Вместе с тем следует отметить, что они использовали принцип безоговорочной капитуляции для осуществления своих военно-политических планов. Развитие итальянской кампании, особенно до взятия Рима англо-американскими войсками, может быть правильно понято лишь с учетом попыток У. Черчилля отвлечь как можно больше сил союзников на средиземноморский театр военных действий и уклониться от принятых перед Советским Союзом обязательств относительно открытия второго фронта³⁸.

Ряд попыток начать переговоры с западными державами был предпринят представителями королевских кругов. О некоторых из этих попыток был информирован итальянский король. Первые шаги такого рода относятся к концу 1942 года. В письме к Хэллу от 18 декабря 1942 г. Иден, например, сообщал о только что состоявшихся переговорах с итальянским генеральным консулом в Женеве, который действовал по поручению герцога Д'Аоста, двоюродного брата короля. Д'Аоста выражал готовность «возглавить вооруженный переворот против Муссолини и фашистского режима» при условии, если союзники гарантируют помощь Италии в борьбе с немецкой авиацией и если заранее согласованная высадка войск союзников будет осуществлена с тем, чтобы помочь Италии, а не с тем, чтобы оккупировать ее, а также если будет сохранена монархия в Италии³⁹.

Англичане потребовали в качестве первого условия переговоров создания одним из принцев Савойского дома правительства на Сардинии, готового действовать с союзниками против Германии⁴⁰. Упомянувшееся письмо Идена Хэллу раскрывает английскую позицию в отношении Италии. Если сравнить его с телеграммой Идена английскому послу в Вашингтоне от 30 ноября 1942 г., то ясно прослеживается эволюция этой

³⁶ M. Toscano. Op. cit., p. 158.

³⁷ Ibid., pp. 151, 161.

³⁸ R. Battaglia. I risultati della Resistenza nei suoi rapporti con gli Alleati. «Il movimento di liberazione in Italia», 1958, № 52—53, pp. 161—162.

³⁹ FRUS. 1943. Vol. II, pp. 315—316.

⁴⁰ M. Toscano. Op. cit., p. 163.

позиции. В телеграмме подчеркивалось, что «наилучший способ облегчить переворот в Италии состоит в усилении безнадежности положения ее путем военных действий». Иден утверждал, что ничего нельзя достигнуть на данном этапе (из-за отсутствия движения и лидера, готовых бросить вызов правительству) с помощью призывов к итальянскому народу и вооруженным силам свергнуть фашистский режим и порвать союз с Германией. А в письме он сообщал, что вовсе не отказывается вести переговоры в Женеве. Из ответа Хэлла Идену 23 декабря видно, что он одобрил английскую линию в отношении Италии и намерение сохранить открытым этот путь. Переговоры по этому каналу были длительными. Однако в позиции английского и американского правительств существовали некоторые разногласия: в Вашингтоне в отличие от Лондона ставили под сомнение значение Италии в стратегическом отношении. Требование сохранения монархии, выдвинутое Д'Аоста, в Вашингтоне также не встретило сочувствия. «Гарантия «сохранения монархии» нуждается в дальнейшем уточнении»⁴¹, — говорилось в письме американского государственного секретаря.

Активное участие в попытках начать переговоры с англичанами принимала Мария Жозе, жена наследного принца. Осенью 1942 г. через папского нунция в Мадриде она вела переговоры с английским послом в Испании Хором, который проявил к ним большой интерес. Мария Жозе пыталась выяснить отношение англичан к возможному разрыву Италии с Германией. Ответ был дан 3 октября 1942 г. через Ватикан. В нем сообщалось, что англо-американцы отнесутся с большим одобрением к такому шагу Италии. Мария Жозе информировала о своих переговорах герцога Аквароне. В то же самое время Мария Жозе неоднократно встречалась с португальским послом в Ватикане Антонио Пачеко и выразила желание привлечь президента Салазара в качестве посредника в переговорах с англичанами (телеграмма Пачеко о переговорах с ней была перехвачена и расшифрована итальянской военной разведкой, и начальник генерального штаба Амброзио, один из участников готовившегося против Муссолини заговора, оказался в курсе этих переговоров). Наконец, в июне 1943 г. ей было сообщено о согласии Салазара. В Лиссабон для переговоров был отправлен Альвизио Эмо Каподилиста, один из друзей Марии Жозе. Каподилиста имел влиятельных родственников в Лиссабоне, и его приезд в португальскую столицу не мог вызвать подозрения у немцев. К тому же с помощью родственников ему было легче установить контакт с Салазаром. 17 июля 1943 г. он получил последние указания Марии Жозе и рекомендательное письмо к Салазару. От ее имени он должен был предложить англичанам следующие условия заключения сепаратного мира: прекращение военных действий обеими сторонами, сохранение у итальянской армии оружия для отпора немцам, использование англичанами итальянского флота, сохранение монархии. 19 июля Каподилиста вылетел в Лиссабон, а 21 июля состоялась его первая встреча с Салазаром, через которого начались переговоры с английским послом Кэмпбеллом. Во время одной из встреч Салазар передал вопрос английского посла, будут ли эти итальянские предложения иметь силу и после падения режима Муссолини, на что последовал положительный ответ — Каподилиста подчеркнул, что он представляет королевский дом, а не Муссолини. В ответ на сообщение Кэмпбелла о шаге, предпринятом от лица Марии Жозе, Черчилль потребовал прервать переговоры с Каподилиста как с лицом, не имевшим полномочий на подписание безоговорочной капитуляции. 3 августа через Салазара был передан ответ Черчилля. 5 августа Каподилиста вернулся в Рим⁴².

⁴¹ FRUS. 1943. Vol. II, pp. 314—317.

⁴² M. Toscano. Op. cit., pp. 168—171, 176—178.

Мария Жозе сообщила о результатах предпринятого ею шага министру королевского двора Аквароне и начальнику генерального штаба Амброзио, сохранившим после переворота свои посты. Последний поставил об этом в известность Гуарилья, 25 июля назначенного министром иностранных дел нового правительства⁴³. Таким образом, ряд министров правительства Бадольо был осведомлен о результатах этих переговоров, то есть о том, что неперенным условием заключения перемирия союзники выдвигали безоговорочную капитуляцию. Однако правящая верхушка Италии не считалась с этими результатами и вновь предпринимала попытки договориться с Англией и США об условиях перемирия, для чего только в августе было направлено четыре миссии к союзникам.

Весьма любопытно, что и представитель военной иерархии маршал Бадольо еще до того, как он возглавил правительство, в январе 1943 г., установил связь с англичанами в Швейцарии. Сообщая об этом американскому правительству, Иден указывал, что Бадольо «желает в определенное время взять власть в свои руки и создать в Италии военное правительство». Через своего посредника Бадольо предлагал англичанам начать переговоры об «объединении внутренних и внешних усилий, чтобы покончить с фашизмом в Италии». Для этих переговоров он готов был направить генерала Пезенти. Местом переговоров была предложена Киренаика. Английское правительство решило оставить этот демарш Бадольо без ответа и не связывать себя обещаниями с какими-либо итальянскими деятелями, не получив полной информации о том, как велики силы, на которые эти деятели опираются⁴⁴.

Выразив свое согласие в целом с позицией Англии в отношении Италии, Хэлл в инструкции американскому послу в Лондоне 9 февраля высказал мнение, что внутренне Италия еще не созрела для переворота, так как позиции Германии и итальянского фашизма еще довольно сильны. А пока немцы контролируют положение в стране, не может быть и речи о выявлении национального лидера или лиц, которые могли бы возглавить оппозицию Муссолини. Хэлл разъяснил также, что, хотя американские военные руководители по-прежнему ставят под сомнение стратегическое значение Италии, по его мнению, было бы неблагоразумно отказываться от возможности обеспечить южный фланг перед высадкой войск союзников (даже если высадка в Италии не произойдет). Исходя из своей оценки положения в стране, Хэлл считал, что следует призывать итальянский народ к «пассивному сопротивлению, скорее к гражданскому неповиновению, чем к открытому восстанию»⁴⁵. Именно в этом ключ к пониманию позиции государственного департамента. Не будучи уверено в успехе действий оппозиционных Муссолини групп, американское правительство опасалось решительных действий со стороны итальянского народа.

Важную роль в готовившихся в Италии событиях, как и в переговорах с союзниками, играл Ватикан. В феврале 1943 г. в Рим из Вашингтона прибыл нью-йоркский архиепископ Спеллман. Он наладил связи с главными фашистскими заговорщиками — Гранди, Федерони, а также с итальянским королем, информировал папу о результатах своих переговоров с ними, то есть фактически выполнял роль посредника между папой, американским правительством и итальянскими заговорщиками. По пути в Вашингтон он встретился в Испании с английским послом Хором. Результатом этих встреч явился план, выработанный совместно Ватиканом и Вашингтоном. Этим планом предусматривалось заключение перемирия, «добровольное сотрудничество итальянцев и

⁴³ Ibid., p. 179; R. Guariglia. Ricordi 1922—1946. Napoli. 1950, p. 573.

⁴⁴ FRUS. 1943. Vol. II, pp. 320—321.

⁴⁵ Ibid., pp. 321—323.

свержении фашистского режима», роспуск фашистской партии. Не предусматривались ни арест, ни выдача союзникам фашистских руководителей. Этот план отвечал намерению союзников не разрушать полностью систему итальянского фашизма. Оживилась деятельность и английских представителей в Ватикане. 9 апреля 1943 г. в Англию прибыл английский посланник в Ватикане Осборн. Со времени объявления Италией войны Англии он не покидал Ватикан. Перед отъездом он имел длительную беседу с папой, виделся с Чиано, архиепископом миланским кардиналом Шустером и с бывшим венгерским посланником при Ватикане Барца⁴⁶. В центре обсуждения был вопрос о выходе Италии из войны.

Таким образом, с осени 1942 г. различные группы итальянских правящих кругов, осознавая неминуемость полного военного разгрома фашистской Италии, перед лицом политического поражения фашизма начали энергичные поиски выхода из создавшегося положения. Решающее влияние на рост оппозиции против Муссолини оказали победы советских войск на советско-германском фронте и выступления итальянских народных масс. Этот выход правящими кругами был найден в решении отстранить Муссолини от власти и заключить перемирие с англо-американцами. Поэтому все, кто готовил переворот 25 июля 1943 г., задолго до его осуществления предпринимали попытки начать переговоры с западными державами, чтобы выяснить их отношение к выходу фашистской Италии из войны, и стремились найти у них поддержку готовившемуся против Муссолини заговору.

Между тем после переворота, когда потребность в сепаратном мире стала особенно настоятельной, новое итальянское правительство не воспользовалось результатами уже предпринятых в этом направлении шагов. Последовательно отстаивать национальные интересы страны правительство Бадольо было не в состоянии, этому препятствовали его классовые интересы, боязнь собственного народа. Отсюда — непоследовательность, безответственность, противоречивость, с которой велись переговоры о заключении перемирия с союзниками после 25 июля. Переговоры приняли поэтому затяжной характер, чем воспользовалась Германия, чтобы оккупировать Италию.

⁴⁶ А. Мэнхеллен. Ватикан. Католическая церковь — оплот мировой реакции. М. 1948, стр. 133, 208.